

Глава 19

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исторического исследования традиционно делятся на две большие группы: общие методы научного исследования и специальные исторические методы. Однако нужно иметь в виду, что подобное деление в некоторой степени условно. Например, так называемый «исторический» метод используется не только историками, но и представителями самых различных естественных и общественных наук.

Задача общей методологии научного познания – дать систему общих теоретических принципов решения поставленных задач и проблем. По этой причине писать о методологических приемах исследования гораздо труднее, чем о конкретных методах сбора фактического материала или источниковедческого анализа. Последнее также предполагает наличие определенных навыков и усилий, направленных на их приобретение. Однако овладеть такими навыками в определенном смысле гораздо проще. Эти навыки приобретаются на специальных практических занятиях, например по палеографии, сфрагистике, источниковедению; при изучении какого-либо специального курса (например, по анализу древних документов) или в археологической и этнографической экспедиции под руководством опытного наставника. Образно говоря, методика – это «тактика», тогда как методология – «стратегия» научного исследования.

По этой причине методология – не столько набор каких-то жестких обязательных технических правил и процедур (хотя эта сторона должна быть обязательно учтена), а скорее некоторая совокупность общих идей, подходов и принципов, которая не может быть постигнута тем же путем, как конкретные методы сбора материала или его источниковедческой критики. В этой связи Дж. Тош писал, что «правила исследования нельзя свести к единой формуле, а конкретные процедуры анализа варьируют в зависимости от характера источника» (Тош 2000: 102). Лучше всего использование того или иного метода может быть проиллюстрировано на примере работ крупных историков прошлого и современности. По всей видимости, изучение работ предшественников, попытка приоткрыть дверь в творческую лабораторию маститого исследователя или его школы есть самый правильный путь к постижению того или иного

метода. Правда, необходимо иметь в виду, что нередко выдающиеся ученые используют не один метод, а сразу несколько, точнее, даже систему методов, поэтому не всегда можно сразу понять, что относится к одному методу, а что к другому.

Существует достаточно большое количество общенаучных и специальных методов, которые используются при проведении исторических исследований.

Нарративный метод (иногда его называют описательно-повествовательным). История была и во многом еще остается повествованием о событиях. Далекое не случайно само название исторической науки происходит от слова *story* – повествование, рассказ. Еще в конце XIX в. Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос называли историю наукой «клея и ножниц» (Ланглуа, Сеньобос 2004). Задача историка сводилась, по их мнению, к сбору фактов в архивах и их монтажу в единое повествование. При этом «само собой» должны получиться целостное описание прошлого и теоретические выводы. Данный метод используется многими историками до наших дней.

Соответственно нарративный метод является важным, хотя и недостаточным, для изложения исторических фактов. Сам по себе рассказ о событиях (нарратив) предполагает определенную последовательность, которая выстраивается согласно некоей логике самих событий. Историк интерпретирует данную цепь событий исходя из определенных причинно-следственных связей, установленных фактов и т. д. Полученные выводы важны для первичного анализа исторического события или эпохи. Однако для глубокого проникновения в суть событий этого явно недостаточно. Но, с другой стороны, без такого связного изложения более глубокий анализ просто невозможен. Тут уместно будет напомнить общеизвестное правило, что «исследование без теории слепо, а теория без исследований пуста» (Bourdieu, Wacquant 1992: 162). В идеале описание собранных источников и обобщение данных должны быть тесно связаны друг с другом.

Исторический (историко-генетический) метод. В первые десятилетия XIX в. приобрел зрелые черты и широко распространился принцип историзма (см. об этом в главе 2 настоящего издания). Известный историк и философ истории Ф. Майнеке (1862–1954) полагал, что появление историзма являлось одним из наиболее значительных интеллектуальных переворотов в западной исторической науке. Его даже сравнивают с «научной революцией» в куновском смысле (Igers 1984: 31–41).

Принцип историзма означает рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего требует искать корни всех явлений в прошлом; понимать, что между эпохами существует преемственность, а каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей и возможностей. В результате на общество удалось взглянуть как на нечто цельное и взаимосвязанное, а целостность позволяет глубже понять отдельные его элементы.

Вместе с этим развивался и исторический метод исследования событий, явлений и процессов. Само название данного метода ясно указывает на его сущность – исследование изменений при рассмотрении того или иного явления, института, процесса и т. д. Для историков обращение к прошлому не является каким-то особым методом. Прошлое есть предмет исследования историка, и поэтому выделять его изучение – с точки зрения современной идеологии историков – в какой-то особый исторический метод, наверное, не совсем логично, поскольку любой используемый историком метод имеет историческую направленность. Однако при анализе трансформации институтов, явлений и процессов важно установить причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса. При этом важно в огромном множестве различных процессов и событий выделить те, что наиболее релевантны для поставленной задачи.

Исторический метод широко используется и в других науках. Так, юристы используют исторический метод для исследования формирования системы права, той или иной совокупности законов и правил. Это можно проиллюстрировать на примере изменений юридического положения средневекового российского крестьянства в процессе поэтапного закрепощения. Инженер может использовать исторический метод для изучения развития техники, например кораблестроительства или строительства мостов и высотных зданий.

Так или иначе, изучение прошлого способствует лучшему пониманию современности. Нередко на стыке обращения к прошлому (предмет истории) и какой-либо социальной науки возникает пограничная дисциплина (экономическая история, историческая демография, историческая социология, история государства и права и др.). Междисциплинарный характер подобных исследований заключается в том, что на традиционный предмет исследования ис-

торика (прошлое) накладываются методы исследования из других наук (экономики, демографии и др.; см. примеры таких исследований в главах 7, 8, 10, 12).

Ярким примером использования исторического (историко-генетического) метода являются труды представителей школы «Анналов» Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» (1992; см. об этой книге также в главе 14) и Ж. Ле Гоффа «Рождение чистилища» (2009). Арьес использовал самые разнообразные источники: данные иконографии, надгробия и эпитафии, живопись, литературные источники. Он показал, что представления о смерти в Западной Европе претерпели с течением времени значительные изменения. Если в варварском обществе смерть воспринималась как естественная необходимость, то в наши дни она стала во многом табуированным понятием.

Во второй работе Ле Гофф показал, что, оказывается, представления о чистилище появились у людей Средневековья только между XI и XIII вв. Официально папа Иннокентий IV признал чистилище в 1254 г. Однако на бытовом уровне эти идеи бытовали раньше. Французский историк считает, что появление данных представлений было обусловлено коммерциализацией общества, стремлением людей, связанных с деньгами – ростовщиков, торговцев, – обрести надежду на спасение в загробном мире. По сути дела, оба примера демонстрируют, что коллективные представления могут претерпевать значительные изменения с течением времени.

Одним из самых ярких примеров использования историко-генетического метода является знаменитая работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой этот историк и социолог обнаруживает корни современной капиталистической этики и идеологии (о Вебере см. также главу 5). Другим хорошим примером использования данного метода является монография П. Манту «Промышленная революция XVIII столетия в Англии». Автор исследования показывает целый ряд предпосылок, которые обусловили совершение этой революции именно в Англии. В частности, Манту делает экскурсы в историю создания паровых машин, начало которым было положено еще в XVII в., раскрывает особенности английской рассеянной мануфактуры, в среде которой родились первые машины (челночный ткацкий станок Джона Кэя, механическая прялка Джеймса Харгревса «Дженни»), исследует особенности английского законодательства, которое ввело запрет на ввоз в Англию индийских хлопчатых тканей, что сильно способст-

вовало росту производства таких тканей в Англии. Он также описывает особенности процесса возникновения первых фабрик Аркрайта (что было связано с особенностями английского патентного права) и т. п. (Манту 1937). В результате перед читателем встает сложный, но вполне понятный комплекс факторов, которые обеспечили возникновение совершенно нового явления в истории: промышленного переворота в Англии. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Еще одним вариантом использования исторического метода является так называемый «ретроспективный» («регрессивный», «реконструкционный») метод. Суть его заключается в опоре на более близкие исследователю исторические состояния общества для лучшего понимания состояния в прошлом. Таким образом, прошлое интерпретируется или реконструируется на основе каких-либо теоретических предпосылок или знания о более позднем состоянии данного или схожего явления или процесса. Этот метод был использован, в частности, К. Марксом при анализе генезиса капитализма. «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Далее Маркс разъяснил: «...намекы более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» (Маркс, Энгельс, т. 12: 731).

Подобный подход в полной мере был применим М. Блоком при изучении средневекового аграрного строя во Франции. Чтобы понять аграрную структуру средневековой Франции, Блок предлагает опираться на данные более позднего времени (XVIII в.), дающие целостную картину французской деревни. В разделе «Введение. Несколько замечаний относительно метода» он подробно описывает суть данного метода: «Историк всегда раб своих документов, и больше всего тот, кто посвятил себя аграрным исследованиям; из опасения не разобраться в непонятном прошлом ему чаще всего приходится читать историю в обратной последовательности... Обратный метод, разумно применяемый, вовсе не требует от близкого прошлого фотографии, которую затем достаточно проецировать в неизменном виде, чтобы получать застывшее изображение все более и более отдаленных веков. Он претендует только на то, чтобы, начав с последней части фильма, попытаться затем показать его в обратном порядке, примирившись с тем, что там будет много пробелов, но твердо решив не нарушать его движение» (Bloch 1978: xxviii–xxix).

Исторический метод нередко связан с реконструкцией событий с помощью специальных методов и с применением общих логических и эвристических методов. Р. Коллингвуд (1889–1943), который одновременно являлся историком и философом истории, писал, что историк очень часто похож в своих методах на следователя, который должен раскрыть преступление. Подобно следователю, историк пытается собрать все фактические свидетельства и на их основе с помощью воображения, логики и дедукции строить гипотезы, не противоречащие фактам (Коллингвуд 1980).

Одним из результатов применения исторического метода является создание **периодизации**. Периодизация очень важна для историка, причем не только для того, который исследует материал на достаточно длительном временном интервале. Любой длительный исторический процесс, например революция, война, модернизация, колонизация, всегда делится на периоды, каждый из которых имеет свои особенности. Это позволяет глубже понять ход исторического процесса в рамках исследуемого объема данных, упорядочить факты, дает возможность держаться естественной канвы изложения.

Периодизация – это особого рода систематизация, которая заключается в условном делении исторического процесса на определенные хронологические периоды. Эти периоды имеют те или иные отличительные особенности, которые определяются в зависимости от избранного основания (критерия) периодизации. Известно огромное количество различных периодизаций истории. Для периодизации избираются самые разные основания: от смены характера идей и мышления до экологических трансформаций и межкультурного взаимодействия. Многие ученые отмечают ее большую значимость для истории и других социальных наук (см., например: Gellner 1988; Бентли 2001; Геллнер 2001; Грин 2001; Гринин 2006; Мак-Нил 2001; Розов 2001*a*; Стернз 2001 и др.).

Важно учитывать, что периодизация имеет дело с исключительно сложными процессами и поэтому неизбежно огрубляет и упрощает историческую реальность. Некоторые ученые противопоставляют понятия процесса и стадии, считая их взаимоисключающими (см., например: Штомпка 1996: 238). Однако можно согласиться с Р. Карнейро, что противопоставление процесса и стадий – это ложная дихотомия (Карнейро 2000), поскольку стадии являются составными частями продолжающегося процесса, а понятие процесса может служить для разработки понятия стадий.

Иными словами, любая периодизация (как и всякая систематизация) страдает односторонностью и какими-то расхождениями с реальностью. «Однако упрощения эти могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» (Ясперс 1994: 52). При соблюдении необходимых методологических правил и процедур имеется возможность минимизировать эти недостатки периодизации и одновременно увеличить ее эвристическую эффективность.

Существуют определенные правила построения исторических периодизаций.

Правило *одинаковых оснований*, согласно которому конструирование периодизации требует при выделении равных по таксономической значимости периодов исходить из одинаковых критериев. К сожалению, это правило не соблюдается особенно часто, поэтому многие периодизации не имеют четких критериев, избранные основания либо непонятны, либо совершенно произвольны и непостоянны; нередко основания периодизации эклектичны и меняются от этапа к этапу.

Правило *иерархии* заключается в том, что при сложной периодизации, то есть такой, где крупные ступени подразделяются на более мелкие этапы (а такое дробление в принципе может иметь несколько уровней – период, этап и др.), периоды каждого последующего уровня деления должны быть таксономически менее важными, чем периоды предыдущего уровня.

Правило *равнозначности* периодов одной ступени деления указывает на необходимость характеризовать каждый период примерно с одинаковой полнотой. На практике некоторые теоретики выделяют ряд периодов только с целью оттенить один из них. Это, в частности, относится к социологам-постиндустриалистам, таким как, например, Д. Белл и Э. Тоффлер, у которых периодизация выполняет роль своего рода заставки к основной теме (показать особенности нового постиндустриального общества, идущего на смену индустриальному).

В первых главах, посвященных различным теориям исторического процесса, были приведены примеры многих периодизаций, которые использовались различными историками, философами и другими мыслителями начиная с поздней античности. До сих пор широко в ходу периодизация Древний мир – Средние века – Новое время, истоки которой уходят в эпоху Возрождения. Изначально идея состояла в том, что общество возвращалось к ценностям Античности (Возрождение).

Позднее, в XVII в., она была переосмыслена немецким историком Х. Келлером (Келлариусом, Целлариусом) (1634–1706), который распространил евроцентричную схему на всю мировую историю. Это было допустимо для западной науки того времени. Действительно, в XVII–XVIII вв. о других историях знали очень мало. Однако деление на три вышеуказанных периода не характерно для других регионов мира (это одна из причин критики так называемого европоцентризма, о которой говорилось в главах 3, 5 и др.). Во многих неевропейских странах используют другие периодизации (в частности, историки Китая предпочитают пользоваться старой периодизацией по династиям).

Попытки связать эту периодизацию с марксизмом (три формации плюс «новейшая» история после 1917 г.) привели к тому, что в ней возникли сильные натяжки. Нужно было изобрести рабство и феодализм на Востоке, придумать «революции рабов» и т. д. При этом фактически советская (эта традиция отчасти сохранилась в российской науке) и западная «келлеровские» периодизации разошлись подобно тому, как разошлись юлианский православный и григорианский католический календари.

Основанием периодизации могут быть и иные критерии, в зависимости от поставленной задачи и аспекта исследования. Так, для У. Мак-Нила главным критерием выступает диффузия военно-технологической информации и других важных для всего человечества инноваций (Мак-Нил 2004; 2008). Он выделяет в мировой истории следующие периоды и этапы.

1. Период культурного доминирования Ближнего Востока (до 500 г. до н. э.). Он начинается генезисом цивилизации в Месопотамии и Египте и заканчивается распространением вторичных цивилизаций в Китае, Индии и Греции.

2. Период евразийского культурного равновесия (500 г. до н. э. – 1500 г. н. э.). Период начинается экспансией эллинизма (500–146 гг. до н. э.), закончившейся формированием единой евразийской ойкумены (к 200 г. н. э.) и великим переселением варваров (200–600 гг.). Далее следует этап мусульманского ответа (по Мак-Нилу, «Возрождение Ближнего Востока», 600–1500 гг.) и время степных завоеваний и распространения империй (1000–1500 гг.).

3. Период господства Запада (с 1500 г. до середины XX в.), который начинается с Вызова Востоку (1500–1700 гг.), приведшего к шаткому мировому равновесию (1700–1850 гг.) и господству Запада (после 1850 г.).

Схожий подход был избран Дж. Бентли (2001), который выделил в мировой истории на основе межкультурного взаимодействия шесть периодов.

1. Период ранних сложных обществ (3500–2000 гг. до н. э.) характеризуется domestikацией лошади, появлением парусных судов, началом обмена между государствами Ближнего и Дальнего Востока посредством кочевников.

2. Период древних цивилизаций (2000–500 гг. до н. э.) состоит из нескольких волн диффузий (бронза, колесницы, железо). В этот период возникают большие земледельческие империи, распространяется алфавитная письменность, происходят масштабные миграции кочевых и полукочевых народов.

3. Период классических цивилизаций (500 г. до н. э. – 500 г. н. э.) отличается укрупнением и совершенствованием больших государств, возникновением мировых религий, усилением кочевников и формированием крупных степных империй, установлением сложной сети торговых маршрутов, в том числе «шелкового пути».

4. Постклассический период (500–1000 гг.) начинается с распространения ислама. В этот период господствуют три крупных центра (Аббасиды, Византия, Тан), развивается торговля в Индийском океане, включается Африка южнее Сахары, происходит диффузия мировых религий.

5. Период трансрегиональных кочевых империй (1000–1500 гг.) – время господства в Старом Свете трансконтинентальных империй кочевников, особенно монгольской; установление прямых контактов между Западом и востоком, глобальная эпидемия чумы.

6. Современный период (с 1500 г.) отсчитывается с Великих географических открытий и характеризуется экспансией западной цивилизации, вовлечением всех частей света в масштабные экономические, технологические, культурные обмены.

Сравнительный метод. Сравнение есть один из базисных принципов научного познания мира. Наблюдая повторяющиеся явления, с глубокой древности люди пытались понять причины этого. В результате у них возникали ответы на те или иные вопросы. Логическим основанием сравнительного метода является аналогия. Аналогия – это сходство предметов и явлений. Способ мышления по аналогии предполагает, что при внешнем сходстве свойства и признаки, характерные для одного объекта, переносятся на другие. Это один из самых распространенных механизмов мышления.

Однако аналогия не является достаточной для объяснения сходства. Для этого необходим глубокий научный анализ. Такой анализ может быть проделан как раз посредством сравнительного метода. Его предпосылкой является то, что многие природные и социальные явления повторяются, хотя последние далеко не в столь явном виде, как первые. Задача исследователя – понять причины этой повторяемости. Поэтому сравнительный метод – один из самых распространенных методов в общественных науках.

История не является исключением. Большинство историков имеют дело с индивидуальными явлениями прошлого. Однако важно выявить общие закономерности развития различных культурных явлений. По этой причине наиболее часто историки используют в своих исследованиях именно сравнительный метод (Мелконян 1981). Иногда его называют сравнительно-историческим (Ковальченко 1987).

Примером использования сравнительного метода является фундаментальный труд Б. Н. Миронова по социальной истории России нового времени. На протяжении всей работы автор сравнивает Россию со странами Европы и приходит к выводу, что наша страна развивалась с определенным запаздыванием. По этой причине то, что многим исследователям кажется недостатками и даже пороками российского общества, «не более и не менее как болезни роста и стадии развития: при сравнении с более зрелыми обществами многие особенности кажутся недостатками, а при сравнении с более молодыми – достоинствами» (Миронов 1999, т. 2: 303). Поэтому, полагает Миронов, проводить синхронные сравнения между западноевропейскими странами и Россией некорректно.

Сравнительный метод активно использовался в работах Ф. Броделя по экономической истории Средиземноморья и другим темам. Однако в трехтомной работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» Ф. Бродель активно использовал не только сравнительный метод, но и исторический (историко-генетический), показывая предшествующие анализируемым явлениям состояния, а также зарождение капитализма на разных уровнях общества (другие примеры использования сравнительного метода см. в главах 5, 6, 8, 11 и др.).

В изучении первобытного общества прошла целая дискуссия по поводу того, что, как и с чем можно сравнивать. Участники дискуссии пришли к выводу, что некорректное использование внешних аналогий может привести к неоправданным выводам. По этой при-

чине необходимо соблюдать ряд обязательных принципов сравнительно-исторического анализа. Главные условия – проведение сопоставлений в условиях единого (или максимально близкого) объекта: хозяйственно-культурного типа, близкого временного периода и примерно сопоставимого стадийного уровня развития исследуемого общества и общества, используемого в качестве аналога (Першиц 1979).

Была высказана точка зрения о необходимости разграничения народов, которые в той или иной степени уже испытали на себе влияние более развитых обществ. Такие первобытные общества было предложено называть синполитейными (от греч. «син» – одновременный и «полития» – общество, государство, город, то есть «синхронные государственным»). По этой причине, реконструируя общества классической догосударственной первобытности – апополитейные общества (от греч. «апо» – до) – необходимо помнить, что синполитейные общества всего лишь аналоги обществ апополитейных и поэтому в данном случае сравнительно-историческое исследование должно быть дополнено историко-генетическим методом (Першиц, Хазанов 1978). В зарубежной литературе существует подобное разграничение обществ колониального и доколониального времени.

Из вышеизложенного следует, что сравнительный метод имеет общие аналитические основания с историческим методом, поскольку и тот и другой основываются на сравнении. Только исторический метод предполагает сопоставление диахронных состояний изучаемого объекта, тогда как сравнительный метод может использовать разные виды сравнений. Согласно Ч. Тилли, можно выделить несколько типов различных сравнений (Tilly 1983). *Индивидуализирующие* сравнения – это когда все привлекаемые примеры служат только как вспомогательные для объяснения главной, рассматриваемой исследователем формы. По всей видимости, этот вид сравнения близок к тому, что в социальных науках называют *case study*. Такой вид сравнения характерен для работ многих историков. Они рассматривают какой-то отдельный случай и приводят в подтверждение доказываемого тезиса соответствующие или контрастирующие примеры.

Образцом *индивидуализирующих* сравнений является книга М. Блока «Короли-чудотворцы» (1998 [1924]). В этой работе французский исследователь задается вопросом, почему люди верили в чудодейственные способности французских и английских коро-

лей исцелять больных золотухой. Он обращается к большому количеству примеров из раннесредневековой истории и этнографии, начиная со знаменитой работы Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» (Блок 1998 [1924]: 122–124 и сл.) и в результате приходит к парадоксальному для того времени выводу. Ментальность и представления о сакральности власти в эпоху первых французских королей были гораздо ближе к этнографическим культурам, нежели к европейскому рациональному человеку. Короли считались носителями сверхъестественных способностей, они были посредниками между мирами сакральным и профанным (подробнее см.: Крадин 2004: 137–148). С течением времени представления о королевской власти трансформировались, но вера в некоторые чудодейственные качества осталась.

Вариативные сравнения имеют другую цель. Они должны показать общие и особенные черты рассматриваемых случаев. Например, если исследователь сравнивает западноевропейское рыцарство и японское самурайство, при таком подходе он выделяет общие черты, характерные для обоих институтов, а также их индивидуальные, только им присущие особенные черты. Хорошим примером использования такого метода является книга Т. Эрла «Как вожди приходят к власти» (Earle 1997). Автор использует в работе три основных примера – предгосударственные общества Северной Европы, Перуанского побережья и Гавайи (регионы, в которых он работал). По всем основным рассматриваемым в книге аспектам (экология, экономика, идеология и др.) проводится сравнение, которое дополняется фактами по другим регионам мира. В результате автор создает целостную картину вариативности исторического процесса на пути к раннему государству. В таком же ключе написана книга канадского археолога Б. Триггера «Осмысление ранних цивилизаций» (Trigger 2003). Автор выбрал шесть примеров древних очагов политогенеза (майя, инки, Бенин, Месопотамия, Египет, Китай) и сравнил их по более чем двадцати показателям: экономика, торговля, урбанизация, система родства, право, космология, искусство, архитектура и т. д.

Наверное, один из самых известных примеров использования сравнительного метода – это знаменитая работа Т. Скочпол «Государство и социальная революция: сравнительный анализ Франции, России и Китая» (Skocpol 1979; см. об этом также главу 8). Несмотря на то, что рассматриваемые революции имеют разные временные и цивилизационные основания, автор не только находит

общие черты между избранными примерами (аграрный характер старых режимов, успешный результат и др.), но и приходит к новым концептуальным обобщениям. Сравнения даже достаточно разных случаев (таких как три вышеупомянутые революции) могут вызвать новые вопросы, которые, в свою очередь, дадут возможность предложить иные интерпретации и обобщения обсуждаемых событий. Подобные сравнения иногда именуют *контрастными*.

Наконец, *охватывающие* сравнения включают большое количество случаев и выделяют множественность имеющихся форм. Примером использования подобного метода является известная книга Г. Нибура «Рабство как система хозяйства» (1907). Автор суммировал все известные этнографические случаи использования рабского труда. После этого он обратился к их интерпретации. Объясняя свой научный метод, более столетия назад Нибур писал: «Многие этнологи пользуются довольно странным методом. У них есть какая-нибудь теория, полученная путем дедуктивных рассуждений, и к ней они присоединяют несколько фактов в виде иллюстрации... Единственно научный метод состоит в том, чтобы собирать беспристрастно факты и исследовать, нельзя ли их подвести под какое-нибудь общее правило!» (Нибур 1907: 8–9). В целом данная работа по своему духу близка к кросс-культурным методам (о которых см. главу 21).

Нужно заметить, что именно в антропологической науке (в нашей стране ее чаще называют этнологией) сравнительный метод занимает особенное место. Многие антропологи подчеркивали значимость этого метода для своей науки. «Единственная черта, выделяющая каждую отрасль антропологии и не являющаяся характерной ни для какой другой из наук о человеке – это использование сравнительных данных. Историк занимается, как правило, историей Англии, или Японии, или девятнадцатого века, или эпохи Возрождения. Если же он занимается систематическим сравнением моментов истории различных стран, периодов или направлений, он становится философом истории или антропологом!» (Клакхон 1998: 332). Классическим примером применения в антропологии сравнительного метода являются работы Г. Спенсера (1820–1903) или знаменитый труд Джеймса Фрэзера (1854–1941) «Золотая ветвь» – книга, в которой собрано и проанализировано в сопоставлении огромное количество сведений о различных культурах и религиозных верованиях.

Именно поэтому сравнительный метод часто используется в работах исследователей, тяготеющих к историко-антропологическому пониманию истории (школа «Анналов», социальная история и др.). Эффект от использования данного метода настолько велик, что часто это открывает новые перспективы в изучении классических тем и направлений. Так, использование сравнительных этнографических данных позволило А. Я. Гуревичу совершенно по-новому взглянуть на природу европейского феодализма (1970; 1972). Подобные перспективы открылись при использовании сравнительного метода применительно к древним скифам (Хазанов 1975), Древней Руси (Фроянов 1980; 1999), древним и средневековым цивилизациям Востока (Васильев 1983).

Образцом использования сравнительного метода можно считать книги В. П. Илюшечкина (1986; 1990 и др.). Илюшечкин был одним из наиболее вдумчивых критиков схемы пяти формаций в советской науке. Он собрал огромное количество эмпирических сведений, которые опровергали тогдашние представления, что рабство существовало в древности, а в Средние века – крепостничество и феодализм. В. И. Илюшечкин, в частности, показал, что рабство не только существовало, но и играло большую роль в Средние века и Новое время. Еще одним примером применения сравнительного подхода могут служить работы Ю. М. Кобищанова по теории полудья. Еще в 1970-е гг. он обнаружил сходство между древнерусским полудьем и аналогичными институтами в Африке. Позднее он расширил круг исторических параллелей, что позволило создать целостную концепцию одного из важных механизмов институализации власти в эпоху политогенеза (Кобищанов 1994; 2009). В конце концов сравнительный метод создал основу для формирования кросс-культурной методологии.

Типологический метод является одним из важнейших методов, используемых в социальных и гуманитарных науках. Как и сравнительный метод, он основан на сопоставлении. Он также позволяет выявить группы схожих явлений и процессов, что достигается посредством схематического отображения конкретно-исторической реальности в виде логических моделей – так называемых «идеальных типов». Ценность таких типов не столько в точности соответствия эмпирической реальности, сколько в возможности понять и объяснить (много примеров такого рода приведено в главах 6–8, 18 и других).

Именно этим типология отличается от обычной классификации. Последняя основана на группировании по тем или иным критериям реальных объектов. Скажем, классификацию может создавать археолог, раскладывая артефакты на группы на основе тех или иных выбранных критериев. Типология основывается на создании мыслительных объектов в сознании исследователя. Тип – это идеальная конструкция, которая отражает наиболее важные черты и связи изучаемого явления. При этом могут игнорироваться иные признаки, которые не включаются в число существенных параметров модели. Более того, может оказаться так, что конкретные объекты могут иметь черты нескольких типов. Это можно проиллюстрировать на примере четырех классических типов темперамента, выделяемых в психологии: сангвиники, холерики, флегматики, меланхолики. В реальности конкретные индивиды могут обладать чертами как одного, так и нескольких темпераментов. Попробуйте распределить своих друзей и знакомых по этим группам, и вы поймете, что далеко не все вписываются в прописанные в учебниках каноны.

Классическим примером типологии считаются знаменитые три идеальных типа господства М. Вебера – традиционное, рациональное и харизматическое. Традиционное основано на соблюдении традиционных норм и вере в сакральные функции власти, рациональное – на соблюдении бюрократией рациональных и легитимных правил, харизматическое – на вере в сверхъестественные способности лидера. В реальности исследуемые явления далеко не всегда могут соответствовать идеальным типам. Возьмите для примера фигуру какого-либо политического лидера. Он может сочетать в себе признаки двух, а то и всех трех форм господства. Так, современная британская монархия сочетает в себе элементы традиционного и рационального господства, но не лишена и некоторого харизматического ореола. Однако, как неоднократно подчеркивал сам Вебер, чем более «чужды миру» идеальные типы, тем лучше они выражают свои эвристические функции. Суть типологии состоит не в том, чтобы разложить по полочкам все изученные объекты, а в том, чтобы лучше уяснить вариативность наблюдаемых явлений и их сущность.

Не случайно типология трех форм господства не потеряла своей привлекательности и активно используется в современных исследованиях представителей различных социальных наук (и в том числе, конечно же, в исторических исследованиях). Большинство

выработанных в гуманитарных науках теорий представлены идеальными типами. По сути дела, такие понятия, как «феодализм», «племя», «вождество», «государство», «город» и т. д., представляют собой идеальные типы.

Среди представителей наук о прошлом особенно пристальное внимание разработке типологического метода уделяют археологи (Клейн 1991). Для данной дисциплины этот метод особенно важен, поскольку археологи имеют дело с большим массивом артефактов, получаемым в процессе раскопок. Работа археолога немыслима без предварительной стадии обработки и упорядочения раскопанных источников. Более того, поскольку вещи меняются с течением времени (посмотрите, например, на изменения в одежде), форма предметов может говорить о времени их появления или бытования среди людей. Это стало основой использования типологии как одного из возможных методов датирования в археологии. Для более углубленного изучения типологического метода лучше всего обратиться к следующим коллективным работам на русском языке: «Типы в культуре» (1979 г.), «Проблемы типологии в этнографии» (1979 г.), а также к книге Л. С. Клейна (1991 г.).

Однако не только археологи применяли типологический метод в своих исследованиях. Различные историки также использовали типологический метод в своих работах. Широко известны дискуссии по поводу типологии феодализма в работах советских медиевистов. В основу наиболее популярной типологии был взят принцип соотношения античного (романского) и варварского (германского) компонентов в политической культуре раннесредневековых обществ. Это привело к выделению трех типов: 1) с преобладанием романского начала (Италия и Испания); 2) синтезный вариант (Франкское государство); 3) с преобладанием варварского начала (Англия, Скандинавия) (Люблинская 1967).

Еще один известный пример среди специалистов по древней истории – типология раннего государства. Основные принципы этой типологии были изложены в книге под редакцией Х. Классена и П. Скальника «Раннее государство» (Claessen, Skalnik 1978). Авторы понимают раннее государство как «централизованную социополитическую организацию для регулирования социальных отношений в сложном стратифицированном обществе, разделенном по крайней мере на две основных страты, или возникающих социальных класса – на управителей и управляемых, отношения между которыми характеризуются политическим господством первых и

данническими обязанностями вторых; законность этих отношений освящена единой идеологией, основной принцип которой составляет взаимный обмен услугами» (Claessen, Skalnik 1978: 640).

Редакторы выделили по степени зрелости три типа ранних государств – зачаточные (*inchoate*), типичные (*typical*) и переходные (*transitional*) (*Ibid.*: 22, 641). Ранние государства должны трансформироваться в зрелые формы доиндустриального государства (*mature state*), в которых имеются развитый бюрократический аппарат и частная собственность (Claessen 2000). Данная типология показывает, как трансформировалось общество в процессе создания и укрепления государства. Понятно, что в реальности государства могли включать в себя черты нескольких типов, но такая типология позволяет яснее видеть различия и разные эволюционные траектории у разных ранних государств. Она позволяет также более отчетливо определять факторы (экологические, исторические, технологические и пр.), которые определяли причины выбора того или иного политогенетического типа и пути развития. Она также позволяет глубже понять, почему к более высокому эволюционному типу (уровню) государственности, развитой государственности смогли прийти только некоторые из ранних государств и почему зрелые государства обязательно (в отличие от ранних) обладали бюрократическим аппаратом.

Структурный метод. Латинское слово *structura* означает «строение, расположение». Данный метод основан на выявлении устойчивых связей внутри системы, обеспечивающих сохранение ее основных свойств. Отсюда проистекает его близость к системному методу. Не случайно в социальных науках существует такое течение, как структурный функционализм.

Истоки структурализма восходят к работам лингвиста Фердинанда де Соссюра (1857–1913) и социолога Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Важный вклад в его развитие внес британский антрополог А. Рэдклифф-Браун (1881–1955) и советский фольклорист В. Я. Пропп (1895–1970). Наиболее обстоятельно структурализм для социальных наук XX в. был разработан французским профессором Клодом Леви-Строссом (1908–2009). Его книга «Структурная антропология» опубликована на русском языке (1985). Согласно Леви-Строссу, за каждым явлением или процессом скрываются неосознаваемые обыденным опытом структурные связи. Задача антрополога – выявить структуру этих связей. Леви-Стросс разрабатывал данный метод на примере мифов, тотемизма, ритуалов. Впо-

следствии метод был применен к бессознательным структурам в психологии.

Особенное развитие структурализм получил в лингвистике, где специалистами (задолго до Леви-Стросса) было показано, что существует набор правил грамматических трансформаций, которому подчиняются все языки. Помимо этого все языки представляют особые знаковые системы. Значение каждого символа (слова) определяется его структурным местом, в соответствии с существующими бинарными оппозициями. Иными словами, смысл слова проистекает не из физических свойств, а из структурного отношения с другим словом, часто противоположным по значению (горячий – холодный, верх – низ, лево – право и т. д.). Впоследствии подобные идеи получили свое развитие в семиотическом подходе в трудах Р. Барта (1915–1980) и Ю. М. Лотмана (1922–1993) и оказали важное влияние на историческую науку в области источниковедческой критики текстов. Это стало основой деконструктивизма, разрушившего монополию на единственно верное истолкование текста, и с течением времени привело к постмодернизму.

Однако структурные связи можно обнаружить не только в процессе анализа нарративных источников, но и при изучении общественных систем. Продемонстрируем богатые возможности использования структурного метода на примере изучения древних обществ. В 25-й главе книги «Раннее государство» Х. Й. М. Классен провел сопоставление 21 раннего государства почти по 100 различным показателям (Claessen, Skalnik 1978: 533–596). Изучая, в частности, структуру аппарата управления, он отметил следующие устойчивые корреляции. На уровне почти 99 % совпадения для ранних государств характерна трехъярусная административная система (центральное правительство, региональная и местная власть).

Так называемые общие функционеры (выполняющие несколько различных функций одновременно) столь же часто обнаруживаются главным образом на региональном уровне и несколько реже – на национальном и местном уровнях. Согласно собранным данным, наиболее часто они занимались сбором налогов или дани, несколько реже выполняли судебские или военные обязанности. Как наследование, так и назначение на должность «общих» функционеров встречались редко. В большинстве случаев (68 %) существовал смешанный способ комплектования. По поводу связи между доходом и должностью, степени независимости администраторов от высшей власти и стремления последней контролировать функцио-

неров не было полноты эмпирических сведений, хотя имеющиеся данные преимущественно свидетельствовали об устойчивой положительной связи.

Классен полагает, что вполне оправданно сделать вывод о существовании тенденции максимизации власти функционеров на региональном уровне. При этом он фиксирует наиболее сильный контроль центра именно для этого уровня управления. Не менее интересные выводы были получены Классеном в отношении так называемых «специальных» функционеров (в терминологии М. Вебера более подходящих под определение профессиональных бюрократов).

Как и у любого научного метода, у структурного подхода есть свои недостатки. Уязвимым местом структурализма принято считать его статичность, неприменимость к исследованию диахронных исторических изменений. В неомарксистской антропологии указывается также, что структурализм сводит роль исторического субъекта к детерминированным элементам и функциям структуры (Андерсон 1991). Тем не менее данный метод имеет важное значение, скажем, для изучения политических систем и структур власти.

Еще один пример использования структурного метода можно почерпнуть из уже упомянутого выше труда Б. Н. Миронова «Социальная история России» (1999). Автор задается вопросом, насколько много и напряженно приходилось трудиться русскому крестьянству. На этот счет существуют два противоположных мнения. Согласно первому, крестьянство отличалось значительным трудолюбием, согласно второму – православный люд трудился достаточно умеренно, ровно столько, сколько было необходимо. Автор берет в качестве условного критерия трудовой этики уровень трудовых затрат. Поскольку это относительный критерий, Миронов использует три разных способа исчисления данной переменной.

В качестве первого показателя он берет количество праздничных и выходных дней в году. Далее он использует данные по хронометражу ряда трудовых процессов и, наконец, пытается определить общие затраты времени на хозяйственную деятельность. Общее количество праздников и выходных превышало 100 дней. Данные земской статистики по затратам труда указывают, что существовал огромный потенциал для правильно организованного труда. Наконец, подсчет времени, затрачиваемого на сельхозработы, показал, что в деревне существовал избыток мужской рабочей силы.

В результате автор приходит к не очевидному, но подкрепленному солидными источниковедческими данными выводу, что ин-

тенсивность и организация труда русских крестьян была ниже, чем у сельского населения Западной Европы. В периоды страды русские крестьяне могли работать столь же интенсивно (но уступали в организации труда), однако в остальное время интенсивность и производительность их труда были ниже (Миронов 1999, т. 2: 305–309). Кстати, эти же черты трудовой этики можно проследить и позднее, например в советское время (авральный характер работы – «конец квартала», «конец года»).

Системный метод. Впервые основные принципы системного подхода (метода) были сформулированы в 1949 г. биологом Л. фон Бергаланфи (1969а; 1969б). Большой вклад в его разработку внесли математик Н. Винер и психиатр У. Эшби. В отечественной литературе разработкой системного метода занимались И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин и другие исследователи (Блауберг и др. 1970; Блауберг, Юдин 1973; Щедровицкий 1981 и др.).

Системный метод исходит из понимания системы как совокупности взаимосвязанных элементов. Метод предполагает рассмотрение несколько главных задач: 1) вычленение элементов, которые входят в систему; 2) анализ характера отношений между элементами (горизонтальные, иерархические); 3) изучение взаимодействия системы с внешней средой.

Изучение строения системы – совокупности входящих в нее элементов и связей между ними – фактически представляет собой анализ внутренней структуры. Поэтому системный метод тесно смыкается со структурным. Некоторые исследователи их даже объединяют, относя к единой группе системно-структурных методов.

Важное место в системном методе занимает принцип *изоморфизма*. Суть его заключается в том, что если элементы разных систем подобны друг другу, то между этими системами может быть найдено подобие по их свойствам.

Поскольку большинство систем открытые (то есть обмениваются с внешней средой энергией), система должна стремиться к самосохранению путем поддержания своей целостности и поступления энергии, необходимой для жизнедеятельности. Данный аспект можно проиллюстрировать на примере так называемой «энергетической теории власти» антрополога Р. Адамса.

С точки зрения Адамса, любое стабильное человеческое сообщество является открытой системой, которая обменивается энерги-

ей с внешней средой и преобразует эту энергию. Всякая система стремится к уменьшению внутренней энтропии. Лучше это получается у тех систем, которые оптимизируют механизмы хранения и использования потоков энергии. Концентрация власти в руках немногих способствует лучшей «энергетической адаптации» сообщества к внешней среде. Начиная с появления вождей контроль над энергией принимает иерархически централизованный, отделенный от широких масс характер. Централизованная организация перераспределения является энергетической основой стратификации в вождестве и затем в государстве. Далее, по мере усовершенствования средств контроля энергетических потоков, расширяются также объемы и способы воздействия власти (Adams 1975).

Нельзя сказать, что до фон Берталанфи никто не применял системный подход на практике. При внимательном изучении у многих выдающихся ученых можно найти те или иные составляющие системного метода. В частности, они были использованы, например, К. Марксом в его исследованиях экономики капиталистического общества (Кузьмин 1980). В немалой степени принципы системного подхода были предвосхищены в начале XX в. А. А. Богдановым (1989) в его работе о *тектологии* – «всеобщей организационной науке», а также в функциональном методе британского антрополога и этнолога Б. Малиновского в 1920-е гг. Несколько позже системный метод был использован М. Блоком в его книге «Феодальное общество» (2003). В этой фундаментальной работе Блок анализирует средневековое западноевропейское общество как целостный общественный организм. Он не только показывает ключевые компоненты социальной структуры (короли, рыцарство, горожане, крестьяне и др.), но также раскрывает отношения между этими общественными группами, место Европы в более широком геополитическом контексте. Фактически средневековый мир предстает в его работе как живой, развивающийся организм.

Поскольку системный метод получил очень большое распространение в биологии и экологии, археологи стали использовать его при построении моделей архаических обществ. Одним из пионеров использования экологических моделей был К. Флэннери (Flannery 1972). Подобная методика основана на моделировании энергетических процессов в экосистемах. Поскольку человек является одним из компонентов экосистемы, количество людей может быть таким, сколько их способно прокормиться за счет имеющихся в экосистеме ресурсов. Нарушение равновесия экосистемы (напри-

мер, чрезмерное стравливание пастбищ стадами кочевников) ведет к кризису. Экосистема автоматически стремится восстановить оптимальное соотношение между различными уровнями (Массон 1976; Тортика и др. 1994; Матвеева 2007).

Другим примером является модель раннего государства К. Ренфрю. В своей книге «Возникновение цивилизации: Киклады и Эгейский мир в III тысячелетии до н. э.» британской археолог на примере древнегреческого общества показывает, как могло складываться государство в античном мире. Это одна из первых попыток использования системного подхода в европейской археологии. Ренфрю рассматривает население изучаемой культуры как самостоятельную систему, взаимодействующую с окружающей природной средой и соседними обществами. Главная цель культуры – адаптация к окружающему миру. Он выделяет несколько подсистем (питательную, ремесленную и металлургическую, социальную, символическую, торговую, коммуникационную). Каждая подсистема выполняет ту или иную функцию.

По его мнению, «изменения или нововведения, происходящие в одной области человеческой деятельности (подсистеме культуры) с течением времени приводят к соответствующим изменениям в иных областях (других подсистемах)». Положительная обратная связь дает эффект увеличения, который Ренфрю называет мультипликативным (Renfrew 1972: 17, 37). Исследователь выделил две параллельно работающие модели: «питательно-редистрибутивную» и «ремесленно-имущественную». Согласно первой модели главным фактором становления цивилизации является увеличение прибавочного продукта вследствие интенсивной эксплуатации новых зерновых культур. Это способствовало росту населения, развитию редистрибутивной (перераспределительной) системы и появлению иерархии. Согласно второй модели контроль над ремеслом позволял производить вооружение и престижные предметы для обмена на дальние расстояния. Это способствовало росту стратификации (*Ibid.*: 480–483). Обе модели, по мнению автора, дополняли друг друга.

В работах, посвященных объяснению исторических процессов, также нередко используются принципы системного анализа. В качестве иллюстрации можно привести труды Дж. Голдстоуна, посвященные революциям Нового времени. Общество рассматривается им фактически как открытая энергетическая система со сложной иерархической структурой. Рост населения приводит к много-

образным следствиям: возрастает доля молодежи (наиболее активной части населения), которая сталкивается с нехваткой рабочих мест; увеличивается нагрузка на ресурсы и уменьшаются доходы масс; разбухает бюрократический аппарат, увеличивается доля элиты и расходы на ее содержание. Следствием этого является недовольство масс, раскол элит и политическое банкротство власти. При определенных обстоятельствах кризис может привести к восстаниям и краху господствующего режима (Goldstone 1988; 1991; см. об этом также в главе 10 настоящего издания).

Наиболее последовательно системный метод был использован при создании мир-системной теории. Он также применяется в построении клиодинамических моделей (см. главу 23 в данном издании). В главах 6, 9–11 и др. также показаны возможности использования системного метода для анализа различных аспектов истории и общества.

Рекомендуемая литература

Клейн Л. С. 1991. *Археологическая типология*. Л.: ФАРН.

Ковальченко И. Д. 1987. *Методы исторического исследования*. М.

Литл Д. 1998. *Функциональное и структурное объяснение. Время мира*. Вып. 1. Новосибирск.

Розов Н. С. 2002. *Философия и теория истории*. Кн. 1. *Пролегомены*. М.

Розов Н. С. 2009. *Историческая макросоциология: Методология и методы*. Новосибирск.

Тош Д. 2000. *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. М.